

Патенко Гульчачак Ринатовна, Салимова Дания Абузаовна

ОБ ОДНОМ ЯВЛЕНИИ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТАТАРСКО-РУССКИХ ЯЗЫКОВЫХ ПЕРЕСЕЧЕНИЙ (НА ПРИМЕРАХ ТИПА "ТАКСИ-МАКСИ" И "ЫБЫР-ЧЫБЫР")

В статье речь идет об относительно новом и интересном явлении в русском языке - об особом типе редупликации. Слова и формы, образованные путем повтора корневых морфем с некоторыми звуковыми добавлениями-вставками, сегодня все чаще проникают в нашу речь, что, возможно, объясняется влиянием тюркских языков. Это явление можно рассматривать как проявление черт славяно-тюркских проникновений в самих языковых системах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. С. 148-151. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**SPECIFICS OF JOINING THE RIGHT CONTEXT
BY THE INTER-PHRASE CONJUNCTION “BY THE WAY, ON + N₆”**

Otkidych Elizaveta Vadimovna
Far Eastern Federal University
vadimovna001@yandex.ru

The article examines the syntactic phenomenon of inter-phrase conjunction and its specific realization – the structure “by the way, on + N₆”. The author dwells on the relevance of referring this construction to the inter-phrase conjunction class. The paper analyzes the specifics of its usage and functioning, proposes the classification of the types of joining the right context by this means, explores the specifics of using this construction in the textual headlines.

Key words and phrases: text; coherence; text units; inter-phrase conjunction; textual conjunction; prepositional combination.

УДК 81

Филологические науки

В статье речь идет об относительно новом и интересном явлении в русском языке – об особом типе редупликации. Слова и формы, образованные путем повтора корневого морфем с некоторыми звуковыми добавлениями-вставками, сегодня все чаще проникают в нашу речь, что, возможно, объясняется влиянием тюркских языков. Это явление можно рассматривать как проявление черт славяно-тюркских проникновений в самих языковых системах.

Ключевые слова и фразы: русский язык; тюркские языки; славяно-тюркские проникновения; редупликация; экспрессия в языке; категория интенсивности.

Патенко Гульчачак Ринатовна, к. филол. н.

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
gpatenko@mail.ru

Салимова Дания Абузаовна, д. филол. н., профессор

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
daniya.salimova@mail.ru

**ОБ ОДНОМ ЯВЛЕНИИ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТАТАРСКО-РУССКИХ ЯЗЫКОВЫХ ПЕРЕСЕЧЕНИЙ
(НА ПРИМЕРАХ ТИПА «ТАКСИ-МАКСИ» И «ЫБЫР-ЧЫБЫР»)[©]**

Вопрос о редупликации как отдельном способе словообразования в современной русской лингвистике до сих пор остается дискуссионным и в большей части рассматривается в рамках дериватологии. Ряд ученых (Г. Б. Антрушина [2], О. Ю. Крючкова [6], Ф. Р. Минлос [8]) придерживаются точки зрения о том, что редупликация является самостоятельной словообразовательной моделью; другие (например, Е. В. Федяева [13]) считают, что сама редупликация входит в состав словосложения в качестве конституента. Значительное количество работ посвящено рассмотрению феномена редупликации в русском языке в сопоставлении с другими языками, например Е. Ф. Арсентьевой, Р. Б. Валиуллиной [3] и др.

До настоящего времени проблемы редупликации (понимаемой в качестве приема внутрисловного удвоения) обсуждались более или менее активно на материале языков Азиатского, Юго-Восточного, региона. Что касается русистики, то можно утверждать, что проблема редупликации является в определенной мере лакуной как в теоретическом, так и в эмпирическом аспектах. Внутрисловные удвоения в русском языке не были до настоящего времени предметом системного изучения, их описание сводилось, по существу, к указанию на отдельные типы или факты удвоения. Этим обусловлено и практическое неприменение в русистике термина «редупликация» относительно тех или иных случаев повтора компонентов, образующих слово [6, с. 10]. Справедливости ради заметим, что появляется ряд интересных работ, в которых предлагается систематизация, классификация типов редупликации, вводятся новые понятия, например «иконичность» по отношению к этому средству и т.д. (С. Д. Букатникова [4], Ф. И. Рожанский [10]).

Сегодня мы наблюдаем интерес отечественного языкознания начала XXI в. к феномену языковой динамики, что определяются, в первую очередь, широтой и масштабностью процессов языковых изменений, происходящих в современный период, и изменчивостью стилистической нормы, которая в силу собственной подвижности не успевает зафиксироваться в нормативных словарях и учебниках. Современное состояние языков дает богатый материал для наблюдения за эволюционными процессами и в лексическом составе языка, потому что значение любого слова и его восприятие пребывают в постоянной динамике, и морфологической, и в синтаксической характеристиках слов [1, с. 7]. Язык как универсальная принадлежность человека и перемены,

происходящие в нем, нуждаются в изучении, осмыслении, в выработке рекомендаций по квалификации, оценке отдельных языковых единиц и явлений, требуют систематических исследовательских наблюдений над изменениями, происходящими во всех ярусах языковой организации. Особенно ярко эти изменения наблюдаются в языке тех, кто живет на территориях, населенных разноязычными представителями.

Языковой союз – особый тип общности языков, возникшей как результат контактного и конвергентного развития. Понятие языкового союза впервые явно сформулировал Н. С. Трубецкой в статье «Вавилонская башня и смешение языков» [12].

Примером языковых союзов, широко вошедших в научный обиход, является волго-камский (или поволжский: финно-угорские и тюркские языки). На наш взгляд, включение только тюркских и финно-угорских (более древних на этой территории) в поволжский языковой союз далеко не полно. Очень значимым компонентом здесь является славянский пласт, и сегодня более целесообразным нам представляется освещение характерологических черт славяно-тюркских проникновений в языковых системах.

Возможно, некоторые из этих сближений и пересечений еще не имеют системного характера, и рассматривать это на уровне языковых систем нет достаточных оснований. Но на уровне речевом, современных разговорных конструкций – это весьма серьезные изменения.

В научной литературе, освещающей русско-татарские языковые связи, до сих пор основной акцент делался на влиянии русского языка на татарский язык: подробно описывались русские заимствования, их фонетическое освоение, интерферентные явления при освоении русского языка татарами и т.д. О влиянии же татарского языка на русский написано гораздо меньше, в основном это труды по тюркским заимствованиям в более ранние временные этапы развития этих двух языков.

Наша статья посвящена попытке описания обратного явления – изменениям в русском языке (повторяем, в основном на уровне речи, а есть примеры и нормативного плана), происходящим под влиянием тюркских языков.

Как известно, современный период развития всех языков характеризуется эскалацией, экспрессией выразительных средств (еще точнее, это период «эскалации экспрессии») языка. Сжатость, концентрированность, глобализация всего окружающего заставляет и язык выражать максимально ярко и сильно, при этом меньшими средствами.

В татарском языке одним из средств языковой экспрессии являются так называемые повторы. (Для более точного описания мы будем использовать термин «редупликация», хотя это понятие остается весьма спорным и неоднозначно трактуемым.) Такие повторы имеют самые разнообразные модели.

1. Простая редупликация знаменательных слов: *олы-олы абзыйлар* (взрослые дяди), *зур-зур утыннар* (крупные дрова), *матур-матур кызлар* (красивые девушки), *таза-таза абзыйлар* (крупные дяди), *кыйбат-кыйбат дарулар* (дорогие лекарства).

2. Повтор первого полнозначного компонента с заменой первого звука, в основном на звонкий звук, часто сонорный: *сирәк-мирәк* (редко), *тиле-миле* (глуповатый), *кыз-мыз* (девочки, девушки). *Тиле-миле кеше* (глуповатый человек) *булып чыкты бугай ла ул. Шәп-ишәп егетләр* (хорошие крепкие парни) *дә очраштырды* [5, с. 38]. При этом следует подчеркнуть, что второй компонент в языке отдельно не употребляется, это асемантические слова, значение которых раскрывается только в сочетании с первым компонентом.

3. Редупликация неполнозначного слова с фонетическим осложнением второго компонента, с присоединением к началу его асемантического звука: *ыгы-зыгы* (суета), *ыбыр-чыбыр* (мелкотня), *эңгер-меңгер* (сумерки), *ык-мык* (невнятно), *тыз-быз* (быстро, в суете – о движении). *Шул ыгы-зыгыда* (в суете) *онытылып киткән* [7, с. 102]. В таких формах оба компонента отдельно не употребляются, вместе же они несут как смысл, так и различные коннотативные оттенки.

4. Есть и формы, состоящие из двух неполнозначных компонентов, содержащих гласные различных рядов (задних и передних): *аңлы-миңле*, *эленке-салынкы* (нехотя, лентяй) и др. Интересная закономерность: ни один из компонентов этих слов не имеет смысла, в целом же такие двусоставные комбинации понятны любому носителю татарского языка.

Объединяют первые две эти модели смысловые оттенки двух типов, парадоксально-противоположных: приращение значения масштабности, серьезности (*олы-олы абзыйлар* – взрослые дяди) и пренебрежительности к высказываемому (*кыз-мыз* – всякие девочки, девушки). Касательно третьей модели (*ыбыр-чыбыр*) можно констатировать, что это слова в основном стилистически нейтральные. Ни один из компонентов отдельно ничего не значит, в соседстве они несут блоки самых различных смысловых зон: *ыгы-зыгыда баланы онытып ташлаганбыз* – в суете забыли про ребенка. К примеру, в казахском языке *жылкы* – лошадь, *жылкы-мылкы* – лошади [11, с. 155].

Вспомним, что так называемая редупликация не чужда и русскому языку, хотя в других языках мира функции и типы редупликации намного разнообразнее. Например, полная редупликация прилагательного усиливает признак. Вот случаи редупликации, осложненные изменением окончания: *давным-давно*, *белым-бело*. Встречается редупликация прилагательных с добавлением приставки *пре-*: *большой-пребольшой*, *белый-пребелый*. Повторение глагола передает длительность действия: *Шёл, шёл Иван по дороге...; Ищет, ищет, никак найти не может*. Редупликация может усиливать приказ: *Давай-давай!* Также она передает усиленное согласие или отрицание: *Да, да! Нет, нет!*

В русском языке, таким образом, редупликация имеет место как средство интенсификации смысловых оттенков и представлена в основном двумя структурными моделями. Это простое повторение слов: *очень-очень люблю*, *умный-умный товарищ*, *едем-едем* – и повтор, осложненный какой-либо морфемой: *умный-преумный*, *любить-перелюбить*, *долго-надолго*. Случай же, когда при редупликации употребляются компоненты, отдельно

не использующиеся, в русском языке крайне редки (имеющиеся примеры связаны с историческими изменениями и представляют собой примеры деэтимологизации). Исключением, пожалуй, является разговорное *шухры-мухры*, точнее *не шухры-мухры*.

В сегодняшние дни на территории Татарстана (судя по телевизионным сериалам и другим передачам) и на всей территории России очень активными становятся формы редупликации, точь-в-точь повторяющие татарские варианты. Это такие слова, как *такси-макси*, *шашлык-машлык*, *танцы-мансы*, *танцы-жманцы*, *фрукты-мрукты*, *бизнес-мизнес*, *проекты-мроекты*, *инновации-минновации*, *пирожки-мирожки*, *арбуз-марбуз*. Кроме случаев редупликации с вставкой сонорного [м], в русском языке наблюдаются и примеры с [ш]. Это так называемые *shm-reduplication* примеры – явления последних десятилетий: *Марки-шмарки*, *магазин-шмагазин*, *мобильник-шмобильник*, *поцелуй-шмоцелуй*, *подарки-шмодарки*, – вполне вероятно, уже возникают под влиянием английского языка [9]. Обособляется в этом ряду примеров *супер-пупер*, по частотности слово, превосходящее многие другие образования.

При этом если в формах типа *шашлык-машлык*, *такси-макси* нет никакого негативного оттенка, это простая репрезентация слегка легкомысленной формы информации, слова типа *бизнес-мизнес*, *проекты-мроекты*, *инновации-минновации* несут обязательно оттенок пренебрежительности, слабой выраженной, но агрессии, протеста по отношению к тем понятиям, что обозначают эти слова. Заметим: эти формы так активны в речи, что их можно встретить в речи каждого носителя языка, эти же примеры нами зафиксированы в речи персонажей телесериалов «Сваты», «Глухарь» (идущих на каналах «Россия» и «НТВ»), в программах «КВН» и особенно в речи участников «Камеди-клуб» и др. Всего зафиксировано 150 примеров. Русские редупликативные формы отличаются одно: в качестве второго компонента почти всегда присутствует первое слово с добавлением в начале сонорного звука [м], мы бы это назвали более системным, упорядоченным, нежели в татарском языке, рядом новообразований. В Казани появилось несколько магазинов, название которых построено как раз по таким смешным, на первый взгляд, непривычным моделям (возможно, это есть один из приемов привлечения внимания): это «*Шаром-даром*», «*Посуда-мосуда*», почти анекдотичный пример предоставления частных услуг «*Баня-маня*».

Что же является причиной появления таких форм в русском языке? По нашей версии, это влияние русской речи носителей тюркских языков. Нормы и экспрессивные возможности татарского языка они автоматически переносят на русский язык, что активно подхватывается и носителями русского языка, потому что в этих формах действительно заложен богатый экспрессивно-стилистический потенциал. Действительно, такие формы (*фрукты-мрукты*) служат своеобразным средством создания ритмо-мелодического эффекта, рисунка речи.

Конечно, мы можем ограничиться констатацией того, что это нарушения норм русской речи, это просторечные варианты и что все это не является фактором самой языковой системы. Очередное нарушение ли это норм русского языка или приобретение языком нового средства языковой выразительности, покажет время. Пока же, на наш взгляд, это яркий пример проявления новых векторов функционирования языкового союза, образец конвергенции языковых систем, еще раз подтверждающий тезис о том, что языковой союз может состоять как из родственных, так и из неродственных языков и что образование языкового союза не приводит к возникновению между его членами языкового родства.

Мы ни в коей мере не пытаемся провести мысль о том, что редупликация в русском языке – это явление, вызванное исключительно влиянием других языков. Это одна из языковых универсалий, встречающаяся в абсолютном большинстве языков мира, то есть древнее и весьма распространенное явление среди языков мира, в особенности романских (французский, итальянский, испанский и др.) и русского языка. «Это языковая реалья, свойственная всем естественным языкам, для передачи широкого и разнообразного спектра информации посредством синтаксической и/или семантической множественности, интенсивности, способна выразить определенное качество, присущее объекту в большей или меньшей степени» [4, с. 1203]. Наряду с универсальными структурными и семантическими проявлениями редупликации, разные языки характеризуются своеобразной интерпретацией общих, инвариантных структурных типов внутрисловного удвоения и общей, инвариантной семантики. Как показывают наши наблюдения, будучи немногочисленными в каждом конкретном языке, наиболее продуктивные модели редупликации в целом совпадают в языках с одинаковым морфологическим строем [6, с. 30].

Возможно также, что активизация редупликации в русском языке есть пример действия языкового союза в более широком значении, это свидетельство того, что русский язык становится ближе к другим языкам мира (в основном восточным), в которых редупликация распространена намного больше и имеет богатейшую палитру как функций, так и фонематического варьирования. Вспомним: во многих языках мира повторы – это не только особые разговорные формы со стилистической окраской, это способы выражения ряда важнейших универсальных категорий, например числа, количества, интенсивности и др., в китайском, японском, кавказских и др. языках. Например, в малайском языке *orang* (человек), *orangorang* (люди); в лезгинском *ара-ара* (иногда, временами), к слову, последний пример имеет место и в татарском языке.

Так, можно сделать вывод, что один, отдельно взятый сегмент редупликации еще раз свидетельствует, как современная русская речь приобретает все новые черты, сближающие русский язык в плане выражения экспрессивно-стилистического потенциала с другими языками, принадлежащими разным языковым семьям. В этом, возможно, кроется одна из черт универсалий языка: выражения эмоции, экспрессии, интенсивности характерны абсолютному большинству языков, и в спешке или с иронией говоря «*такси-макси*», «*арбуз-марбуз*», сегодняшний носитель русского языка (подчеркиваем, в основном в национальных республиках России) все больше включается в наше общее языковое пространство. Эта тема может быть обсуждена как негативные проявления в нашей речи просторечных элементов на занятиях по культуре речи, по стилистике, в то же время данное явление – интересный объект лингвистических исследований, вызывающий научный интерес в разных сферах и векторах современной лингвокультурологии.

Список литературы

1. **Азнабаева А. Р.** Эволюционные процессы в языке региональных средств массовой информации конца XX – начала XXI в.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2010. 24 с.
2. **Антрушина Г. Б.** Лексикология английского языка. М.: Дрофа, 2001. 288 с.
3. **Арсентьева Е. Ф., Валиуллина Р. Б.** Редупликация в современном английском и русском языках // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 12-16.
4. **Букатникова С. Д.** К вопросу о классификации редупликаций // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 1201-1203.
5. **Галиуллин Т. Н.** Рассказы и повести. Казань: Нэшрият, 2003. 172 с.
6. **Крючкова О. Ю.** Редупликация как явление русского словообразования: автореф. дисс. ... д. филол. н. Саратов, 2000. 44 с.
7. **Магдеев М. С.** Гусиное перо. Казань: Нэшрият, 2009. 202 с.
8. **Минлос Ф. Р.** Редупликация и парные слова в восточно-славянских языках: дисс. ... к. филол. н. М., 2004. 184 с.
9. **Редупликация: забавное, но полезное средство языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alfa-perevod.ru/gu/news?id=56> (дата обращения: 14.09.2015).
10. **Рожанский Ф. И.** Редупликация. Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. 256 с.
11. **Салимова Д. А.** Еще раз о языковом союзе: о примерах типа «такси-макси» и «ыбыр-чыбыр» как татарско-русских языковых пересечениях // Современное образование: опыт, проблемы, перспективы развития. М.: АПКИППРО, 2012. С. 154-156.
12. **Трубецкой Н. С.** Вавилонская башня и смешение языков // Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. 560 с.
13. **Федяева Е. В.** Редупликация как одно из средств репрезентации неопределенного количества // Известия РГПУ им. А. М. Герцена. 2008. № 73. Ч. 1. С. 469-472.

**ON ONE PHENOMENON IN VOCABULARY OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE
IN TERMS OF THE TATAR-RUSSIAN LANGUAGE INTERSECTIONS
(BY THE EXAMPLE OF TYPE “ТАКСИ-МАКСИ” AND “ЫБЫР-ЧЫБЫР”)**

Patenko Gul'chachak Rinatovna, Ph. D. in Philology
Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
gpatenko@mail.ru

Salimova Daniya Abuzaovna, Doctor in Philology, Professor
Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
daniya.salimova@mail.ru

The article tells about a relatively new and interesting phenomenon in the Russian language – a special type of reduplication. Words and forms created by repeating the root morphemes with some sound additions-inserts today are increasingly penetrating our speech, which may be due to the influence of the Turkic languages. This phenomenon can be considered as a manifestation of the traits of the Slavic-Turkic penetrations in the very language systems.

Key words and phrases: the Russian language; the Turkic languages; the Slavic-Turkic penetration; reduplication; expression in language; intensity category.

УДК 81-119

Филологические науки

В статье рассмотрен феномен фасцинации как коммуникативного явления и фасцинативности как обязательной характеристики креолизованных текстов, функционирующих в массовой интернет-коммуникации. Приведены результаты анализа основных фасцинативных приемов, используемых в креолизованных текстах по туристической тематике. Показано значение вербального и невербального компонентов креолизованных текстов в оказании фасцинативного воздействия на реципиентов.

Ключевые слова и фразы: креолизованный текст; фасцинация; фасцинативность; фасцинативный прием; массовая интернет-коммуникация; воздействие; вербальный и невербальный компоненты.

Поварницына Мария Васильевна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
m.povarnitsyna@yandex.ru

**ФАССИНАТИВНОСТЬ КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ ПРИЗНАК КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ
В МАССОВОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ[©]**

В результате развития технологий в современном обществе наблюдается плавный переход (а точнее говоря, возвращение) от письменных форм коммуникации к исторически более ранним формам – аудиовизуальным. Причиной этому служит ускорение ритма жизни и необходимость быстро ориентироваться в огромном